

Глава 9

Нин Чжэ бежал к базе. Чем ближе были стены, тем отчаяннее становился его бег; он летел вперёд, не разбирая дороги, широко распахнув глаза и позволяя ледяному ветру слизывать обжигающие слёзы.

Он затормозил у того участка стены, через который обычно перелетал наружу. Юноша привычно ухватился за край, приготовившись к прыжку, но руки внезапно подвели. Мышцы ослабли, и он, не удержавшись, рухнул на землю.

Нин Чжэ растянулся на спине, жадно хватая ртом воздух. Лицо горело лихорадочным румянцем после бешеной гонки. Пальцы, испачканные в земле, судорожно вцепились в сухую траву; он с силой вырвал клочок вместе с корнями и яростно отшвырнул в сторону.

— А-а-а!..

Сдавленный, полный муки стон вырвался из его груди. Нин Чжэ зажмурился и обхватил голову руками. Сердце изнывало от тревоги.

Прорыв мертвецов на базу был предрешён сюжетом. Весь путь назад он твердил себе: никто не в силах остановить замысел Янь Цина. Кому, как не ему, познавшему горечь перерождения, знать эту истину? Самым разумным было бы спасти родителей и затаиться, не высываясь.

Но в ушах всё ещё гремел резкий, требовательный голос Ло Ина: «Речь идёт о жизнях сотен людей на базе. Ты уверен, что тебе нечего сказать?»

«Я знаю... Господи, я всё знаю! Но что я могу сделать?! Мне страшно!»

Кровавые видения из кошмаров одно за другим всплывали в сознании. Знакомые лица, обглоданные зомби до неузнаваемости... Нин Чжэ словно наяву слышал их предсмертные вопли. Но ужас сковывал его по рукам и ногам. Он боялся снова встать на пути у Янь Цина. В этой жизни он хотел существовать лишь для себя и своих близких, даже если ценой этого станет его молчаливое бездействие...

Нин Чжэ резко распахнул глаза. На ресницах дрожала влага, а проступившие от напряжения сосуды делали взгляд пугающим. Где-то неподалёку, в густой темноте, послышалось шуршание — там бродили мертвецы. Переполюявшему его гневу требовался выход. Юноша крепче перехватил кинжал, коснувшись пальцем острого лезвия, и бесшумно растворился в ночи.

Нин Чжэ вернулся на базу лишь в предрассветных сумерках.

Он выглядел пугающе спокойным. В розовом свете зари его бледная кожа казалась почти прозрачной. Чёрный тактический костюм был помят, а пятна засохшей крови зомби почти сливались с тёмной тканью.

Юноша привычным жестом отряхнул одежду от мусора и хвои, поправил волосы и, стараясь не попадаться на глаза патрульным, поспешил домой.

Но дверь квартиры оказалась приоткрыта. Ключ торчал в замке, а внутри не было ни души.

Сердце Нин Чжэ пропустило удар, а затем бешено заколотилось. Руки мгновенно похолодели.

Его родители всегда были предельно осторожны. Он не раз наказывал им запирать все окна и двери, стоило им остаться одним. Первая мысль, пронзившая мозг, была однозначной — случилась беда. Возможно, он где-то просчитался. Возможно, Янь Цин и в этой жизни решил использовать его как мишень и, дождавшись, пока он уйдёт, забрал его отца и мать.

Нин Чжэ резко развернулся. Он выхватил окровавленный кинжал; в душе бушевал коктейль из ярости и липкого страха, а истощённое тело внезапно наполнилось новой, злой силой.

Да, он до смерти боялся Янь Цина. Боялся настолько, что при одном упоминании о нём хотел бежать без оглядки, лишь бы не пересекаться. Но корнем этого страха была не забота о себе, а боязнь подставить родителей. Собственная шкура его никогда не волновала.

Если Янь Цин действительно посмел тронуть его родных, он пойдёт на всё. Ва-банк, до самого конца!

Однако стоило ему выскочить за угол, как он едва не столкнулся с отцом, который куда-то торопился.

Страх мгновенно отпустил сердце Нин Чжэ, но дыхание всё ещё прерывалось. Он схватил отца за руку:

— Папа! Ты куда? Где мама?!

— Мама... она принимает... принимает роды... — задыхаясь, проговорил отец Нин.

Зрачки юноши сузились.

— Что?

Отец махнул рукой, пытаясь отдышаться, и крепко сжал плечо сына, стараясь говорить чётче:

— Там, у госпожи Линь... Ну, той, что была на сносях. Вчера вечером воды отошли. Твоя мать пошла помогать, промучилась почти всю ночь. Вот, прислала меня за продуктами, нужно передать ей чего-нибудь питательного, чтобы силы восстановить.

С этими словами он хлопнул Нин Чжэ по плечу и поспешил в дом.

Нин Чжэ замер, не в силах пошевелиться. То, что родители в безопасности — огромное облегчение, но... ребёнок? В этом аду должен родиться ребёнок? Неудивительно, что на улицах так пусто: похоже, все, кто не был на дежурстве, отправились помогать.

В эпоху постапокалипсиса человеческая жизнь не стоила и гроша, а выжившие младенцы были редкостью, подобной чуду. Но как бы там ни было, рождение новой жизни на базе — событие, достойное праздника. Каждый новорождённый был искрой надежды. Словно молодая трава, которая пробивается сквозь пепелище после весеннего дождя, дети давали людям повод смотреть в будущее. Понятно, почему отец был так взбудоражен.

Однако Нин Чжэ перерыл всю свою память о прошлой жизни и не нашёл ни единого упоминания об этом. Если бы такое случилось, он бы точно запомнил.

«Гадать бессмысленно. Нужно увидеть всё своими глазами.»

Когда отец спустился с продуктами и припасами, Нин Чжэ забрал часть сумок и вместе с ним отправился к дому Сяо Линя.

Из комнаты, превращённой в родовую, доносились стоны роженицы и подбадривающие голоса женщин. Снаружи столпились люди — и мужчины, и женщины. Стояла странная, благоговейная тишина. Почти у каждого в руках были какие-то свёртки или еда, как у Нин Чжэ с отцом. Все с тревогой и надеждой смотрели на закрытую дверь, точно каждый здесь был близким родственником.

Нин Чжэ стоял с отцом с самого края толпы, невольно заражаясь общим настроением. Он задумчиво переложил сумку из руки в руку, гадая, не стоит ли вернуться и принести что-то ещё.

В тот момент, когда он колебался, толпа вдруг качнулась вперёд.

Нин Чжэ сделал несколько шагов следом и увидел, как дверь распахнулась. В следующее мгновение тишину прорезал звонкий, требовательный крик. Словно удар легендарного топора, сотворившего мир, этот звук расколол мрак безнадёги, впуская в мир первые лучи рассвета.

Солнце окончательно взошло.

— Родился! Сын родился!

Из дверей вышел крепкий молодой мужчина. Нин Чжэ узнал его — это был Сяо Линь, тот самый парень, с которым он ходил в рейд в день своего перерождения!

Сяо Линь видел, как сильно волновались люди. Он высоко поднял над головой сверток с младенцем; на его простом, честном лице сияла широкая улыбка, а в глазах блестели слёзы.

Люди окружили его, наперебой выкрикивая поздравления.

Кто-то первым начал хлопать, и через секунду громкие аплодисменты заполнили всё пространство, не стихая долгое время.

Нин Чжэ стоял в стороне, не сводя глаз с лица новоиспечённого отца. Он словно оцепенел.

В следующую секунду он всучил все сумки отцу и бросился прочь.

Он вспомнил!

В прошлой жизни этот ребёнок не родился. Потому что месяц назад его отец, Сяо Линь, должен был погибнуть во время вылазки. А его жена, госпожа Линь, обезумев от горя, случайно упала с лестницы, и младенец, которому оставалось всего ничего до срока, погиб в утробе!

Но в этой жизни... Нин Чжэ ясно помнил тот день: Ло Ин привёл Сяо Линя на базу, и тот отделался лишь парой царапин.

Единственной переменной стал Ло Ин, который был в том рейде. В прошлой жизни Ло Ин получил ранение от мутанта в городе и просто не смог участвовать в той задаче!

Слёзы брызнули из глаз. Нин Чжэ бежал, из его горла вырывались судорожные всхлипы. Кажется, с самой ночи он только и делал, что бежал и плакал, но никогда ещё этот бег не приносил такого облегчения, и никогда ещё слёзы не были такими сладкими.

«Всё можно изменить! Моё перерождение... оно действительно меняет судьбы!»

Этот малыш смог родиться, Сяо Линь остался жив. Значит, он может их спасти. Он может спасти всех...

Да к чёрту Янь Цина! Плевать на его недовольство! Нин Чжэ хотел их спасти, он жаждал искупления. Он хотел заплатить за грехи своего прошлого «я», пока катастрофа ещё не наступила!

Он резко остановился, подняв небольшое облако пыли.

Нин Чжэ жадно хватал ртом воздух, уперев руки в колени. По покрасневшимся щекам катился пот. Он вскинул голову и увидел Ло Ина, медленно идущего ему навстречу в сиянии утреннего солнца.

Командир был непривычно бледен, под глазами залегли тени. Манжеты и края брюк промокли насквозь — похоже, он только что вернулся из лесной чащи, собрав на себя всю утреннюю росу.

Ло Ин тоже заметил его. Он остановился, взгляд его был мрачным. Мужчина поджал губы, явно собираясь что-то сказать, но Нин Чжэ внезапно рванулся к нему и мёртвой хваткой вцепился в рукав его куртки.

— Волна зомби! — выпалил Нин Чжэ, не замечая состояния командира. Его голос дрожал от возбуждения. — Я знаю, в чём дело! Я знаю, как спасти базу!

Ло Ин опустил взгляд на пальцы юноши, вцепившиеся в ткань так сильно, что костяшки побелели.

— Ты...

— Это Янь Цин! — Нин Чжэ понизил голос до яростного шёпота. Его кадык судорожно дернулся, глаза покраснели, но взгляд был полон непоколебимой решимости. — Веришь ты мне или нет, но будь осторожен с Янь Цином и его людьми! Когда придёт волна зомби, он намеренно впустит их внутрь!

«...»

Лицо Ло Ина оставалось непроницаемым. Спустя несколько секунд тяжёлого молчания он спросил:

— Прежде чем мы продолжим... скажи, откуда тебе это известно?

Взгляд Нин Чжэ дрогнул, он опустил голову.

Ло Ин терпеливо ждал.

Прошло немало времени, прежде чем Нин Чжэ тяжело, со стоном выдохнул. Он поднял на него лицо, залитое слезами, и прохрипел:

— Потому что... я должен был стать его сообщником.

В глазах Ло Ина что-то мелькнуло.

Помедлив, он едва заметно вздрогнул. Ло Ин молча взял Нин Чжэ за предплечья, помогая ему стоять прямо, и осторожно, почти невесомо, смахнул слезу с его щеки.

Нин Чжэ растерянно смотрел на него.

Утреннее солнце сегодня светило удивительно ярко, и в его лучах суровые, резкие черты лица Ло Ина внезапно смягчились, наполнившись редкой, почти невозможной нежностью.

— Я верю тебе, — тихо произнёс Ло Ин. — Не плачь.

Нин Чжэ замер с приоткрытым ртом. В голове стало абсолютно пусто.

Неподалёку, скрывшись за каменной стеной, стоял Ян Е. Он всем телом приник к холодной кладке, глядя в пустоту. В его руке была зажата горсть сладостей.

— Те сладости, о которых он мечтал, ему уже принесли, — раздался голос сбоку. — Сколько ни дари, толку не будет. Ему твои подачи не нужны.

Ян Е мгновенно сжал кулак, пряча конфеты в ладони. Он посмотрел на подошедшего, сузив глаза:

— А тебе-то какое дело? Смотри, Янь Цин, я ведь могу и рассказать Ло Ину о твоём истинном лице.

Янь Цин пренебрежительно усмехнулся, подходя ближе:

— И у тебя ещё есть силы с ним разговаривать? Вы же вроде братья. Ты ведь сам говорил, что собираешься добиваться Нин Чжэ... М-да, истинная братская любовь, ничего не скажешь.

— Ты!..

— Разве я не прав?

Грудь Ян Е тяжело вздымалась. Спустя мгновение он подавил гнев и процедил:

— Тебя это не касается.

— Ладно, не касается, так не касается, — Янь Цин примирительно развёл руками. — Я просто зашёл по доброте душевной напомнить: ты его считаешь братом, а он тебя — считает?

— Да замолчи ты наконец!

— И не подумая, — отрезал Янь Цин, но тут же добавил, прежде чем Ян Е успел взорваться: — Последнее слово. В делах сердечных я мастер. Будет настроение — научу паре приёмов, а то пока ты для него не больше, чем «старший братик».

Он иронично искривил губы в усмешке и, уходя, небрежно смахнул пылинку с плеча Ян Е.

— Жалкое зрелище, — бросил он напоследок.

Ян Е хмуро смотрел ему в спину. Он разжал кулак, глядя на помятые конфеты, а затем снова стиснул их с такой силой, что пальцы побелели. Когда рука наконец расслабилась, сладости выпали на землю, мгновенно покрывшись серой пылью.

<http://bllate.org/book/17157/1606630>